

На правах рукописи

ВОВНА Алексей Владимирович

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ
В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»
(истоки и становление)

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы Института
международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Научный руководитель:

доктор филологических наук
профессор **Кихней Любовь Геннадьевна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
профессор **Дубова Марина Анатольевна**,
*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт;*

кандидат филологических наук
Темиршина Олеся Равильевна,
*Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова.*

Ведущая организация:

Тверской государственный университет

Защита состоится 25 февраля 2011 года в 15-00 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.23
при Российском университете дружбы народов по адресу:
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
центре (Научной библиотеки) Российского университета дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат размещен на сайте РУДН (www.rudn.ru)

Автореферат разослан 24 января 2011 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук доцент

А.Е. Базанова

Общая характеристика работы

Постановка проблемы. Реферируемая диссертация посвящена исследованию городского текста в романе А.Белого «Петербург».

В последние несколько десятилетий в связи с общими тенденциями развития литературоведения наблюдается повышенный интерес к таким категориям, как «сверхтекст» (частным случаем которого может быть тот или иной городской текст) и «художественное пространство» в творчестве русских символистов. Российские и зарубежные литературоведы подходят к этим понятиям с двух позиций: либо во главу угла ставится теоретический аспект проблемы (работы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Вяч.Вс. Иванова, Е. Фарина, Н.Е. Меднис, где обосновывается само понятие сверхтекста и городского текста), либо выявляются мифопоэтические и пространственные принципы, в том числе и в прозе Андрея Белого (работы З.Г. Минц, Л.К. Долгополова, Р.Д. Тименчика, Е.М. Табориской, Е.Б. Скороспеловой, Л. Силард, В.М. Паперного, А.В. Лаврова, Е.Г. Григорьевой, Т.В. Воронцовой, С.П. Ильева, Е.В. Глуховой, Дж. Хердмана, Г. Уолкера, Р. Манна, М.А. Дубовой, Л.А. Колобаевой, И.Г. Минераловой, В.М. Паперного, С.И. Пискуновой, В.М. Пискунова, М.Л. Спивак, Л.А. Сугай и др.).

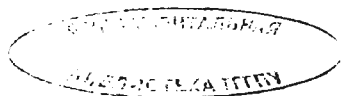
Следует отметить, что связь «сверхтекста» и петербургского пространства исследована достаточно обстоятельно, однако на сегодняшний день остался ряд нерешенных вопросов, поэтому изучение основ и структуры петербургского текста в художественной практике А.Белого является, несомненно, **актуальным** для современной филологии. Эта актуальность связана с несколькими аспектами.

1. В настоящий момент существует множество исследований, посвященных проблемам творчества А.Белого, в которых анализируется его поэзия и проза сугубо в историко-литературном ключе. Наряду с такими исследованиями появляются крупные обобщающие работы, посвященные «сверхпоэтике» символизма, где нередко упускаются из виду специфические особенности прозы А.Белого.

Обращение к теме «городской текст» позволяет соблюсти баланс между этими двумя направлениями. Это связано с тем, что понятие городского текста - это некий «средний уровень», который, с одной стороны, позволяет сделать выводы общего теоретического характера, а с другой стороны, - дает возможность выявить специфику индивидуальной поэтики Белого.

2. Изучение городского текста в творчестве А.Белого актуально еще и потому, что избранный тематический ракурс дает возможность подойти к произведению как системному целому. В частности, изучение городского текста позволяет:

- а) представить закономерности смыслообразования в символистских текстах,
- б) описать особенности хронотопа в символистском романе и вычленить базовый уровень авторской картины мира, связанный с представлениями о художественном пространстве,
- в) определить «комплекс» литературных традиций, а также технику их использования,
- г) выявить связь символистского мифологизма с концепциями художественного пространства.

3. Актуальность работы связана также с ее предметом: крупные свертхтекстовые образования (такие, как городской текст) организованы по иным смысловым законам, нежели тексты конкретных произведений. Изучение городского текста в творчестве А.Белого в соотнесении с городскими текстами классической литературы позволит выявить семантические механизмы функционирования литературной традиции.

Цель работы – выявить основные принципы трансформации городского текста в романе А.Белого «Петербург» в его связи с категорией художественного пространства в аспекте литературной традиции.

Задачи исследования:

1. разработать теорию и историю понятия петербургский текст в научно-исследовательской литературе и творческой практике писателей XIX – начала XX вв.;

2. проследить развитие системы основных петербургских мотивов в литературе XIX века, выявить ее внутреннюю структуру, воплощающуюся в ряде ключевых лейтмотивов;

3. определить истоки городского текста в творчестве А.Белого и исследовать особенности формирования и развития петербургского мифа в его романе;

4. рассмотреть феномен городского текста в творчестве А.Белого как специфическую форму организации художественного пространства;

5. обозначить философские и мифологические закономерности разворачивания городского текста в романе «Петербург»;

6. выявить роль литературной традиции в формировании городского текста А.Белого, а также выделить комплекс литературных реминисценций и культурно-исторических мифологем, лежащих в основании его петербургского мифа.

Методологической основой исследования служат генетический, сравнительно-исторический, структурно-семиотический, типологический и культурно-исторический методы. В процессе анализа художественных текстов в аспекте их пространственной организации мы обращались к работам В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, О. Фрейденберг, Вяч.Вс. Иванова. Ряд литературных и мифологических традиций выявлялся с опорой на исследования З.Г. Минц, Л.К.Долгополова, Н.Е. Меднис.

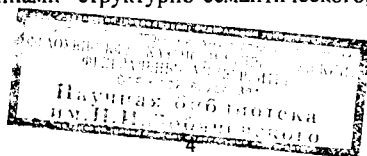
Установка на комплексный анализ предполагает системно-функциональный подход к материалу. Поэтому все избранные для анализа художественные тексты в работе рассматриваются как некий свертхтекст, где реализуется городская (в особенности - петербургская) «мифология».

Новизна работы связана со следующими аспектами:

1. вычленены структура и механизмы трансформации городского текста в романе А.Белого «Петербург», системно представлены основные принципы его модификации в романе;

2. рассмотрены основные мотивы «петербургской мифологии» А.Белого в аспекте их соотнесения с классическим петербургским текстом;

3. новизна работы также определяется отдельными интерпретациями текстов, что связано с принципами структурно-семантического, интертекстуального и мотивного анализа.

В качестве **объекта** исследования выступают роман А.Белого «Петербург» и «петербургские» произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, В. Олины, В. Титова, А. Петровского.

Предметом работы является:

- 1) формально-содержательная структура петербургского текста с ее основным набором сюжетных, мотивных и образных схем,
- 2) ценностно-семиотические основания и поэтика петербургского текста А.Белого и русских классиков XIX в.

Положения, выносимые на защиту:

1. Белый в своем творчестве сохраняет основные структурные элементы петербургского мифа, но меняет их смысловую «этимологию». Каждый из этих структурных элементов выступает в качестве того или иного лейтмотива, который реализуется в системе мотивов, системно связанных между собой.
2. Петербург становится не только символизируемым пространством (как это было у классиков петербургской мифологии), но еще и *символизирующим пространством*, которое создает героя «по своему образу и подобию», что обеспечивает структурную схожесть героя и пространства, понимаемую А.Белым в мифопоэтическом ключе.
3. Гротескность и мозаичность петербургского мифа А.Белого на глубинном смысловом уровне есть продукт символической целостности, которую обеспечивает разветвленная сеть оппозиций и лейтмотивов, входящих в его семантическое поле.
4. В петербургском мифе А.Белого органично сочетаются два типа текстов: сюжетный и бессюжетный. При этом бессюжетный текст оказывается в культурологическом смысле более архаичным, так как он «описывает» имеющийся мир петербургского мифа и имеет отчетливо упорядочивающий (классификационный) характер.
5. Главная коллизия петербургского мифа в изводе А.Белого – это столкновение двух принципиально разных понятий о пространстве, которое оказывается «полифоничным». Именно это столкновение и порождает ряд мотивов и образов, характерных для петербургского мифа А. Белого.
6. Специфика городского пространства, выстраиваемого в романе, связана с теорией символа и концепцией теургии, которые обуславливают некоторые мотивные и образные схемы произведения.

Теоретическая значимость работы связана с тем, что в работе разработана методология для целостно-системного анализа свертхтекстов, которые имеют свои особенные законы построения и функционирования. Выявлена связь подобных свертхтекстов с базовым уровнем авторской миромодели, в результате чего расширено и уточнено понятие художественной картины мира. Осмысление концептуальных основ городского текста и художественного пространства позволяет решить теоретическую проблему взаимосвязи романного (эпического) хронотопа с мотивно-образной и тематической структурой произведений.

Практическое значение результатов диссертационного исследования заключается в возможности их использования в научных исследованиях, затрагивающих проблемы поэтики городских свертхтекстов, а также при чтении общих и специальных лекционных курсов по истории русской литературы XX в., при выполнении курсовых и дипломных работ студентами-филологами, при

составлении новых учебных программ и пособий по курсу истории русской литературы XX в.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были апробированы в докладах, прочитанных на 4-х международных и межвузовских научных конференциях: «Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения - 2010)» (Санкт-Петербург, 2010); на 3-й научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Массовые коммуникации и литература: взгляд из нового тысячелетия» (Москва, 2010); на международной конференции «XI Крымские Международные научные чтения» (Феодосия, Украина, 2009); на межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы славянской культуры и цивилизации» (Уссурийск, 2008).

Систематизация исследуемого материала в соответствии с целями и задачами работы определила ее **структуру**. Диссертация состоит из **введения, трех глав, заключения**. Работа завершается списком **литературы**, насчитывающего 197 источников.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется степень изученности темы, очерчивается объект и предмет работы, обосновывается актуальность, новизна и теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава работы «**К истории и теории петербургского текста**» посвящена аналитическому обзору разных исследовательских концепций петербургского текста и выявлению общей структуры петербургского текста в русской литературе XIX века.

В первом параграфе главы «*История исследования петербургского текста*» выделяется ряд различных методологических установок, с помощью которых исследователи изучают феномен городского текста, и определяется ценность этих установок по отношению к диссертационной работе.

Изучение петербургского текста русской культуры имеет давнюю историко-литературную традицию (работы Н.П. Анциферова, Б.В. Томашевского). Однако систематическое изучение петербургского текста начинается в структурно-семиотической ветви советского литературоведения, где Петербург предстает как внутренне связанный текст, обладающий собственным набором образов, мотивов, сюжетов и героев. Можно выделить несколько направлений изучения петербургского текста. Все они так или иначе пересекаются, однако в каждом из них существует своя доминантная тема.

Первое направление соотносится с изучением петербургского текста в широком «языковом» аспекте (от особенностей языкового воплощения Петербурга до аллюзий и реминисценций). Это направление преимущественно связано с именем З.Г. Минц. Исследовательница применяет литературно-лингвистический подход к петербургскому тексту, она закладывает основы теории «петербургской интертекстуальности» и объясняет ее механизмы. Исследование Минц для нашей работы оказывается важным, поскольку мы будем обращаться к интертекстуальному и сугубо языковому пласту петербургского текста, в смысловом поле которого происходит своеобразная перекодировка значений, за счет чего возникают новые смыслы.

Второе, структурно-семиотическое, направление занимается преимущественно мифопозитикой Петербурга. Представители этого направления исследуют большей частью петербургский миф. Поэтому в такого рода исследованиях большое внимание уделяется построению «модели» Петербурга с проекциями на древние архетипические символы города. К этому направлению относятся фундаментальные работы В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана.

Ю.М. Лотман фактически закладывает теоретические основы изучения *городского текста* в общем и петербургского текста в частности. Так, он, во-первых, выделяет универсальную модель организации пространства «центр-периферия»; во-вторых, исследует феномен Петербурга с точки зрения более общего феномена урбанизма; в-третьих, он выявляет набор постоянных признаков «петербургского мифа».

В.Н. Топоров исследует культурный феномен Петербурга не только со структурно-семиотической, но и с философской точки зрения. Исследуя петербургский свертхтекст с мифопозитической точки зрения, он выявляет его основные качества и свойства, связанные с культурно-географическими особенностями пространства. Не менее важно, что Топоров подошел к вопросу о петербургском мифе со смысловой точки зрения. И если Лотман преимущественно обращается к «способу» сочетания единиц петербургского мифа, то Топоров исследует семантику этих единиц. В этом аспекте Топоров действительно доказал, что Петербург является *текстом* со своим *языком* и *правилами*, по которым единицы этого языка организуются.

Третья ветвь исследований петербургского текста (работы Л.А. Колобаевой, Е. Григорьевой, Е.М. Таборисской и др.) связана преимущественно с историко-литературным подходом. В такого рода исследованиях, как правило, ученые идут от материала к теории. В этом ракурсе изучаются преломления петербургского мифа как в разных литературных течениях и направлениях, так и в творчестве отдельных авторов, в том числе и Белого.

Во втором параграфе главы «*Генезис и семантическая структура петербургского текста в русской литературе XIX века*» исследуется формирование петербургского текста в русской классической литературе. Анализ становления и развития петербургского текста в русской культуре (с XIX – по начало XX вв.) нацелен на выявление *общих черт* петербургской мифологии в том порядке, в каком они появлялись в творчестве крупных русских писателей указанного периода. Это позволяет, с одной стороны, увидеть развитие петербургского текста в его динамике, а с другой стороны, – представить петербургский текст как целостный культурный феномен.

Начало петербургскому тексту было положено А.С.Пушкиным на рубеже 20-30-х годов XIX века («Уединенный домик на Васильевском», 1829, «Пиковая дама», 1833, «Медный всадник», 1833). Затем петербургская тема была подхвачена «Петербургскими повестями» Н.В. Гоголя и произведениями Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, И.А. Гончарова, В.Ф. Одоевского и т.д. Все эти произведения объединяет то, что петербургская тематика в них в основных своих элементах действительно повторяется и образует определенную смысловую структуру, которая и стала предметом выявления в данном параграфе, где на материале *самых крупных и знаковых* произведений петербургского текста были выявлены закономерности его внутренней организации.

Традиционно считается, что текст, заложивший основы петербургской мифологии, - это «Медный всадник» А.С. Пушкина. Все петербургские мотивы, появившиеся в «Медном всаднике», можно разделить на две группы: мотивы, соотносящиеся со смысловым ядром пушкинской поэмы (лейтмотивы), и частные мотивы, связанные с реализацией этого смыслового ядра. Все выявленные мотивы и лейтмотивы развиваются и в других классических произведениях, формирующих петербургскую мифологию.

К первому и главному лейтмотиву можно отнести *мотив стихии*, который в «Медном всаднике» воплощается в частных мотивах *наводнения, революционной ситуации, людских масс, власти*.

Наводнение связывается с эсхатологической символикой, которая является существенной чертой петербургского мифа. Наводнение оказывается *знаком «сдвига» границы между гармонией и хаосом*. Четко структурированный мир перестает существовать, и бинарные оппозиции, на которых он покоился, оказываются «перевернутыми». Так, земля становится водой, маленький человек угрожает власти, живое становится мертвым, а мертвое - живым.

Лейтмотив разбушевавшейся стихии, заданный Пушкиным, обнаруживается и в ряде других произведений, связанных с петербургским текстом. При этом стихия, выходящая из-под контроля, не всегда соотносится с наводнением, но воплощается и в ряде принципиально иных образов. Так, в творчестве Гоголя возникает образ людской толпы на Невском проспекте. Несомненно, что сам по себе гоголевский образ не связан с символикой восставшей стихии. Однако Андрей Белый в своем романе «Петербург» (не без влияния Гоголя и Пушкина) воссоединил мотивы толпы и стихийности, связав их с идеей революции.

С образом восставшей стихии соотносится *мотив власти*, который играет огромную роль в петербургском тексте XIX века. Это, несомненно, связано в первую очередь с внелитературными факторами: Петербург – столица Российской империи. Однако, попадая в смысловую структуру петербургского текста, мотив власти претерпевает изменения.

Символическая интерпретация власти впервые предстала в «Медном всаднике»: здесь власть отчуждается от человека и демонизируется. Символом власти оказывается ожившая статуя Петра Первого, которая в тексте соотносится с языческим божеством, «кумиром». В «Петербургских повестях» Гоголя власть прежде всего соотносится с петербургской бюрократией, которая фактически формирует свое «метафизическое» пространство.

Эсхатологический лейтмотив восстания стихии обуславливает появление *лейтмотива абсурдности и распада бытия*, который реализуется в следующей системе мотивов: *мотив сумасшествия, мотив истончения грани между реальным и ирреальным миром, мотивы сновидения и иллюзорности мира*.

В «Медном всаднике» абсурдность бытия приводит Евгения к гибели. При этом оказывается разрушенным не только Петербург, но и надежды «бедного Евгения» на тихое «маленькое» счастье. Мотив петербургской абсурдности продолжен Гоголем. Особенно ярко он показан в повести «Нос» (ср. «странное происшествие», которое легло в основу этого произведения).

Лейтмотив абсурда бытия в рамках петербургского текста, начиная с «Медного всадника», соотносится с *мотивом сумасшествия*. Так, в «Медном всаднике» Пушкина Евгений сходит с ума, столкнувшись с неведомыми ему

силами. В смягченном, «пародическом», варианте связь между петербургским абсурдом и сумасшествием обнаруживаем в «Записках сумасшедшего» Н.В.Гоголя. Мотив сумасшествия в соотношении с петербургским пространством появляется также в произведениях Достоевского. Эта связь отчетливо видна в «Преступлении и наказании», где все герои находятся в «пограничном» состоянии между разумом и безумием.

Еще одну важную семантическую составляющую городского текста образует мотив *иллюзорности, истончения грани между реальным и потусторонним миром*. В «Медном всаднике» А.С.Пушкина он воплощается в сюжете «ожившей статуи». В рамках петербургского текста, созданного Пушкиным, этот сюжет имеет двойную мотивировку. С одной стороны, происходит действительно не вписывающееся в рамки обыденности событие, а с другой стороны, - это событие может быть объяснено болезненным состоянием героя.

Истончение грани между двумя мирами приводит к важнейшему для петербургского текста мотиву *сновидения*. В «Невском проспекте» Гоголя мотив сновидения оказывается способом прорваться в иной мир. При этом в очередной раз наблюдается характерная для петербургского текста «мена» оппозиций: сновидческая реальность оказывается более истинной, нежели окружающий мир. Мотив иллюзорности Петербурга возникает также и в творчестве Достоевского. Тема *иллюзорности* Петербурга разрабатывалась, прежде всего, в его романе «Подросток», где Петербург предстает маревом над Невой, туманом.

Разрушение границы между реальным и ирреальным мирами приводит к появлению в петербургском тексте ивариантного лейтмотива *инфернальности*, который реализуется в частных мотивах *омертвления человека, подмены живого неживым, раздвоения, демонического бала*.

Инфернальные мотивы закономерно соединяются с мотивом *иллюзорности* города (ср. финал гоголевского «Невского проспекта»), мотивом *власти* (в «Медном всаднике» Петр демонизируется) и мотивом *стихии* (в «Медном всаднике» один из аспектов власти – покорение стихии).

В предыдущий комплекс мотивов органично вписывается еще один из ключевых петербургских мотивов – мотив *двойничества* (ср., например, повесть «Двойник» Достоевского). Проблема двойничества связана также с проблемой копии (маски), которая всегда таит в себе нечто демоническое, это изначальное раздвоение, некий магический фетиш, имеющий сходство с человеком, но сходство бездуховное, деформированное.

Такой тип двойника – это оживший мертвец, тело без души, которое подменяет собой человека. Поэтому демонические мотивы и образы связаны в петербургском тексте с мотивом *«странного бала», маскарада*, который соотносится с разгулом дьявольских сил (ср. новеллу В.Н.Олины «Странный бал»).

Особенное значение во всех этих случаях играет мотив маски, который позволяет «сдвинуть» границы реальности и показать ирреальность происходящего. Видимо, поэтому мотив маскарада (или маски) часто соотносится именно с петербургским пространством: Петербург также является «фантастическим» городом, где люди «не равны» себе, где они либо овеществляются, либо сводятся к социальной функции (ср. подобную сюжетную ситуацию «двойного восприятия» в новелле В.Н. Олины). Мотив демонического бала и маски приводит к тому, что в рамках петербургского текста происходит

подмена *живого неживым*. Подобная подмена указывает на *демоническую* природу героя, ибо демонизм в его литературном и мифологическом варианте всегда связан с *подменой и оборотничеством*.

Итак, в творчестве русских классиков обнаруживается ряд лейтмотивов, которые оказываются структурообразующими для петербургского текста русской литературы в целом. В дальнейшем же при развитии петербургского текста в творчестве последующих авторов меняются только частные мотивы, лейтмотивы же остаются неизменными. Выделенные лейтмотивы образуют особый «текст», своего рода смысловую основу «петербургского мифа». Отсюда проистекают особенности литературной традиции, связанной с петербургским текстом: тот или иной автор, создавая свою модель петербургского текста, заимствует какие-либо элементы этого фонда, комбинируя их в нужном порядке, соответствующем своему мировоззрению.

Во второй главе работы «Роман А. Белого «Петербург»: общие принципы организации городского текста» анализируется структура художественного пространства главного романа А.Белого.

В первом параграфе главы «*Петербургское пространство в романе А.Белого «Петербург»*» рассматривается городской текст Белого в аспекте преломления в нем петербургского мифа. Одна из специфических характеристик городского пространства, созданном Андреем Белым, заключается в том, что петербургский миф находился в системных отношениях с другим пространственным мифом – мифом о Москве, который также возникает в творчестве писателя. Особенный интерес здесь представляют письма Белого, где отношения между этими городами он характеризует в своих излюбленных пространственных терминах – центра и периферии (ср. письма А.Белого Э.Метгнеру).

Оппозиция *центр-периферия* в романе разворачивается в соответствии с системными закономерностями. В рамках создаваемого Белым нового варианта петербургского текста она накладывается на оппозиции *восток / запад, варварство / цивилизация* и др. Подобная «многослойная» организация пространства свидетельствует о том, что в основании романа лежат мифопоэтические принципы.

Что касается внутренней организации пространства, то в функции центра в романе выступает имперский Петербург, в роли периферии – его островная часть. В контексте романа острова противопоставляются имперскому Петербургу, по целому ряду бинарно выраженных признаков: свое/чужое, западное/восточное, прямое/кривое и т.д. Описания и характеристики центра и периферии соответствуют мифологическим пространственным структурам, естественно, с поправкой на модернистское сознание автора. Так же, как и в текстах мифологического типа, Петербург, будучи сакральным центром, является воплощением космоса. Однако в противовес «органическому» мифологическому космосу (структура которого часто выражалась в образе мирового дерева) петербургский космос Белого – это царство чистых геометрических форм. В этом заключается существенная новизна и оригинальность трактовки городского пространства «Петербург» по сравнению с другими текстами, разрабатывающими петербургский миф.

Острова же представляют собой непокорную, не поддающуюся власти стихию. «Ликами» этой стихии могут являться и «великий трус» (землетрясение), и

затопление империи полчищами с Востока («желтая опасность»). В этом плане острова по отношению к имперскому Петербургу предстают как «другое пространство». Отсюда можно вывести все их основные характеристики, которыми они наделяются в рамках петербургского мифа А.Белого: острова – это перевернутый имперский Петербург и характеристики этого Петербурга – это характеристики островов только с противоположным знаком.

Подобного рода «перевернутость», характерная для всех пространств бинарного типа, проявляется и на «персонажном» уровне. Если для Аполлона Аполлоновича «незнакомец» с островов, террорист Дудкин, является носителем злобного демонического начала, которое грозит разрушить строгую геометрию города, то для незнакомца, в свою очередь, именно «имперский Петербург» является воплощением зла и объектом ненависти. В силу всего этого острова оказываются «пограничным местом», что подтверждается характеристикой их жителей, которые не принадлежат ни к одному из миров. Иначе говоря, островные жители – это герои, не закрепленные ни за одним пространственным локусом, об этом свидетельствует тот факт, что они могут пересекать границу («мосты»), отделяющие имперский Петербург от его островной части. В то время как герои имперского Петербурга (например, Аполлон Аполлонович) статичны и не пересекают пространственной границы.

На отсутствие четкой пространственной закреплённости «островных» героев указывают места их обычного пребывания. Так, традиционным местонахождением островных жителей оказываются «кабачки», которые в русской картине мира являются дьявольским местом, противопоставленным святому месту – храму (недаром сам Белый называется кабаки – «адскими»). Здесь в романе появляется традиционная для петербургского мифа семантика инфернальности, которая завуалировано предстает в образах островных жителей. В конечном счете в романе Белого возникает мотив, характерный для петербургского мифа в его символистском изводе: историко-культурные и политические вопросы осмыслиются в мистико-демонической контексте. Такой подход заставляет вспомнить историософскую концепцию А.Блока, который представлял себе нашествие варваров как восстание низших социальных слоев, что должны были появиться из «преисподней». Характерно при этом, что восстание низов также связывалось Блоком с городской (возможно, петербургской) тематикой.

Другой существенный элемент петербургского мифа в романе – это граница, разделяющая острова и имперский Петербург. Ее воплощение мы находим в образе Невы. Белый, обращаясь к этому традиционному для петербургского мифа образу, трактует его по-своему. Образ Невы обретает «летейские» значения, в связи с чем его роль в рамках авторского петербургского мифа А.Белого изменяется. Если в основании классического петербургского мифа лежит представление о Неве как о губительной стихии, то у Белого река становится границей, разделяющей внутри Петербурга два типа пространства.

Однако наряду с мотивом разделения двух пространств в романе возникает мотив их соединения. Эту функцию в романе выполняют мосты. Образ моста в силу «пограничности» петербургского текста, который создает Белый, оказывается одной из его самых существенных примет. Можно сказать, что так же как Достоевский сделал «приметами» Петербурга «дворы-колодцы», так Белый ввел в петербургский текст «мосты». Мост в романе соединяет геометрическое

пространство имперского города с «хаотическими» островами, с «той стороной», о чем свидетельствует грандиозность и мрачность описания мостов.

Таким образом, существенная специфика петербургского текста, созданного Андреем Белым, заключается в том, что враждебные внешние силы (мотив которых всегда присутствует в петербургских произведениях) Белый локализовал в пространстве. Тем самым произошло смысловое «расширение» петербургского мифа, куда Белый включил антипространство.

Противопоставление центра и периферии, взятое в совокупности с мотивом преодоления границы, указывает на то, что в «Петербурге» А.Белого органично сочетаются два типа текстов: сюжетный и бессюжетный. При этом бессюжетный текст в культурологическом смысле является более архаичным, так как он просто «описывает» петербургский мир и имеет отчетливо классификационный характер. Именно этот бессюжетный уровень петербургского текста является своего рода «хранилищем» литературных традиций, связанных с петербургской тематикой. Сюжетный же уровень петербургского текста возникает в связи с индивидуально-авторской разработкой А.Белого существующих петербургских мифологем.

Во втором параграфе главы *«Петербургский миф А.Белого и ницшеанская концепция вечного возвращения»* рассмотрены философские основания концепции городского петербургского текста. Одна из главных структурных оппозиций городского текста, созданного А.Белым в своем романе, – это противопоставление аполлонического принципа дионисийскому началу, восходящее, прежде всего, к философии Ф.Ницше в ее модернистской интерпретации. В этом плане специфика воплощения петербургского пространства в романе проявляется в том, что в его смысловом поле Белый объединяет несколько разнородных культурно-семантических пластов, связанных с античностью и ее модернистскими рецепциями.

Однако Белый использует не только конкретные мифологемы Аполлона и Диониса, но и подключает семантические мифологические поля, связанные с этими образами. В результате чего петербургское пространство обретает античное «дно»: каждый персонаж двойится, представляя собой, с одной стороны, героя, действующего в рамках реального петербургского топоса, с другой стороны, – античную «маску» того или иного божества. При этом аполлоническое и дионисийское начала в романе теряют свою конкретную образную природу и воплощаются в рамках городского текста в целом наборе разных образов и мотивов.

С аполлоническим началом в романе, прежде всего, связан образ Аполлона Аполлоновича (на что недвусмысленно указывает его фамилия). В этом герое разнообразно реализуются основные функции Аполлона. Аполлон – это солнечное, светлое божество, «символ рациональной ясности» и бог светлого начала. Эти солнечные небесные смыслы возникают и в образе рационального сенатора.

Аполлонический принцип воплощается в романе не только на геройном уровне, но и, в силу теснейшего соотношения героя и пространства, реализуется и на уровне пространственных образов. Так, Петербург – город прямых углов и проспектов. Эта упорядоченность петербургского локуса, его внешняя строгость, блеск и лоск свидетельствуют об «аполлонической структуре» городского пространства.

Дионисийский принцип, явленный в романе, также связывается с организацией пространства и геройной структуры. При этом данное противопоставление, будучи базовым, сохраняется не только на пространственном, но и на временном уровнях: так, если Аполлон Аполлонович действует преимущественно днем, то его сын – ночью (здесь воплощается семантика Диониса как «темного» бога, в противовес светлому солнечному Аполлону).

Образу Николая Аполлоновича сопутствуют все дионисийские атрибуты, такие, как маска (которая была непременным антуражем дионисийских празднеств древности), «тигровый зверь» (спутником Диониса был леопард; сам он превращался в льва) и проч. К этому же дионисийскому полюсу можно отнести и образ Софьи Лихутиной. Этот персонаж в систему дионисийских образов входит через семантику востока (она носила японское кимоно), который в системе символических соответствий А.Белого связывается со стихийным дионисийским началом.

Если аполлонический принцип в романе соотносится с преодолением *телесности* (Аполлон Аполлонович летает в своих астральных путешествиях, преодолевая границы собственного тела), то дионисийская символика, напротив, соплагается с телесностью в ее «натуралистическом» виде. Недаром центральный дионисийский мотив романа – это мотив разорванного в клочья тела жертвы (ср. с жертвенными ритуалами «Великих дионисий»). Таким образом, дионисийство в романе также воплощается на уровне традиционного для петербургского мифа мотива гибели, которая понимается не просто как смерть, но как своеобразная жертва и насыщается религиозной символикой – Белый мастерски соединяет античные мотивы с мотивами петербургского текста, подводя под первые иной, современный смысл.

Вместе с тем античные рецепции, в частности, дионисийские мотивы в «Петербурге» неожиданно сопрягаются с пушкинским интертекстом. Ср., например, ситуацию жертвы в «Медном всаднике», где смерть Евгения может пониматься как жертва идолу-кумиру, в роли которого выступает ожившая статуя Петра. Примечательно, что, оставляя в романе мифоритуальную символику смерти, восходящую к «Медному всаднику», Белый меняет ее культурный код, и жертва связывается не с язычеством вообще, но прежде всего с античной мифологией. В контексте аполлоническо-дионисийских цитат, заявленных в романе, традиционный для петербургского мифа мотив жертвы обретает конкретную культурно-историческую реализацию. Так, в центре повествования оказывается образ-мотив разорванного человеческого тела, что, несомненно, восходит к древним античным представлениям о разрываемых жертвах во время дионисийских оргий, а в более общем индоевропейском контексте – к мифу об умирающем и воскрешающем боге.

Однако Петербург в соответствии с принципами петербургского мифа является пограничным пространством. Отсюда его срединное положение между аполлоническим и дионисийским началами. Он как бы заключает в себе эти две противоположности, снятие которых возможно только в соответствии с логикой взрыва (метафора, которая, заметим, в буквальном смысле реализовалась в романе). Так, аполлоническое солнце входит в систему оппозиций к варварским ордам, которые в романе являются воплощением стихийного дионисизма и символизируют хаос. Отсюда в тексте Белого появляется своеобразный

мифологический гимн – призывание солнца, связанное с борьбой против варварских орд.

Таким образом, основные лейтмотивы петербургского мифа, в рамках романа А.Белого претерпевают существенные изменения. Белый как бы сохраняет смысловое ядро этих мотивов, однако трактует его с иной (ницшеанско-мифологической) точки зрения.

В третьей главе работы «**Мотивная структура городского текста в романе А.Белого “Петербург”**» исследуются основные лейтмотивы, образующие городской текст романа, и мотивовые парадигмы, к ним примыкающие. В первом параграфе «*Лейтмотив иллюзорности в романе А.Белого “Петербург”*» рассмотрено, как означенный лейтмотив связывается с аполлоническим принципом. Восходя к «петербургской классике», в романе Белого иллюзорность меняет свою «этимологию». Так, прежде всего, мотив иллюзорности у Белого соотносится с кантианскими отсылками. В этом плане петербургский миф в романе предельно философизируется и соотносится с целым рядом частных мотивов.

Иллюзорность – мозговая игра. Кантианская философия обуславливает мотив «мозговой игры», с помощью которого в романе создается «второе пространство» города. В этом плане фантазмагоричность Петербурга в романе получает свое реальное обоснование: Петербург иллюзорен потому, что он является плодом воображения, результатом игры «чистого разума».

Иллюзорность-теургия. Эта скрытая отсылка вносит чрезвычайно важные смысловые коррективы в петербургский миф, реализованный в романе А.Белого. Фантазмагоричность и иллюзорность Петербурга оказывается обусловленной не только кантианской философией, но также и теургической концепцией символа, Петербург становится своего рода полем для воплощения теургических исканий Белого. И именно в соответствии с этой теургической установкой происходит «порождение» образов в петербургском пространстве.

Иллюзорность-бюрократия. Лейтмотив иллюзорности реализуется не только в кантианских образах, но и собирательном образе-мотиве бюрократии, которая также оказывается иллюзорной в кантианском смысле этого слова. Наличие мотива «бюрократиады», несомненно, отсылает к петербургскому тексту Гоголя. Однако Белый в соответствии со своей «символической» логикой придает этому традиционному для русской классики мотиву почти мистическое звучание, связывая мотив бюрократии с мотивом «мозговой игры». Сопряжение этих мотивов приводит к изменению петербургского мифа, когда мистическая составляющая города семантически «обуславливается» бюрократизмом, в котором Белый также подчеркивает семантику призрачности.

Иллюзорность-провокация. С темой «мозговой игры» и иллюзорности в романе тесно связан мотив вселенской провокации. Характерно, что эти мотивы увязываются Белым в единое целое в рамках петербургского мифа, который дает основания для подобного семантического соположения. Иллюзорность петербургского пространства оказывается плодотворной как для развития темы мозговой игры, так и для развития темы провокации. При этом последний мотив в рамках мистико-философского контекста, который задает Белый в романе, теряет свое социально-политическое значение и обретает метафорический смысл, обращаясь в мотив демонической подмены.

Иллюзорность–зеркала. Соположение двух принципиально разных пространств («мысленного» и физического) в рамках романа приводит к тому, что Белый вводит в петербургский миф еще один чрезвычайно важный мотив, генетически связанный с лейтмотивом иллюзорности – мотив зеркала. Зеркало оказывается не просто образом, функционирующим в тексте, но оно становится принципом выстраивания романного пространства.

Иллюзорность – сон. С образами зеркал и теней соотносится «сновидческая сфера» романа, которая также связана с семантикой фантазмагоричности Петербурга. Генетически родственными мотивами становятся мотивы лоска и блеска, которые указывают на иллюзорность всего происходящего.

Во втором параграфе работы *«Запад и Восток в петербургском мифе А.Белого»* исследуется ключевое геософское противопоставление романа. Петербургский миф Белого, являясь средством исторического обобщения, обуславливает появление оппозиции «восток–запад». Однако в решении проблемы «восток/запад» Белый уходит от истории и оказывается близок к антропософии. Восток и Запад понимаются им как сверхисторические структурообразующие начала человеческой цивилизации. И воистину диалектическая борьба между ними есть фактор движения прогресса, который Белым трактуется, скорее, как «вечное возвращение» (в духе Ницше), нежели как некий прямолинейный путь. При этом ареной борьбы оказывается именно Петербург, город, хранящий в себе изначальную русскую раздвоенность между востоком и западом.

Противопоставление «восток – запад» органично вписывается в системы иных оппозиций, функционирующих в петербургском мифе А.Белого. В частности, оно соотносится с противопоставлением Аполлона и Диониса, иллюзии (бреда) и реальности, прямых линий и линий изогнутых. Западному началу соответствует правая сторона этих оппозиций. С оппозицией «восток - запад» связаны и принципы создания геройной системы романа. Так, принадлежность героев к западной или восточной системе маркируется Белым по-разному. И один из главных способов маркировки персонажа – имя собственное. Например, фамилия сенатора связывает этого персонажа с восточными мотивами, о чем явственно дает понять сам автор в начале первой главы.

Восток проникает в интерьер петербургских комнат, нарушая четкость и геометричность петербургского пространства. С точки зрения такого соотношения внешнее (форма) предстает как область запада, а внутреннее (содержание) – как сфера востока. Эта двойственность проецируется и на внутренний мир сына сенатора, Николая Аполлоновича: внешне он «западный» человек (о чем свидетельствует его античное лицо), однако внутренний мир Николая Аполлоновича хаотичен и полон неустрашимых противоречий.

И на примере Петербурга Белый показывает невозможность «эволюционного» решения темы «восток–запад» в русской истории, поскольку русская «бинарная» модель культуры не позволяет этого сделать. В результате чего возникает мотив взрыва, появляющийся в финале «Петербург», который становится еще одной знаковой приметой петербургского мифа А.Белого.

Наряду с темами запада и востока в роман Белого вводится тема юга, что позволяет говорить о расширении пространства петербургского мифа. Тем не менее, юг в структуре романа выполняет функции востока, то есть функции

разрушения западной культуры. Однако если России грозят полчища «татарских орд», то южные «черные орды» угрожают Западной Европе.

Культурно-историческая оппозиция «восток – запад» соотносится с более общей оппозицией мифологического типа «хаос – космос». Противостояние космоса и хаоса – одна из «констант» петербургского мифа классического периода русской литературы. Эту константу Белый также сохраняет, но опять-таки меняет ее историко-культурное наполнение. Если, например, в «Медном всаднике» Пушкина Петербургу грозит Нева, являя собой воплощение дикой природной стихии, то в петербургском мифе Белого стихия остается, однако ее образное воплощение иное. Образ стихии Белый переосмысляет в символическом ключе, и стихия становится метафорой востока и людских масс. Так в связи с оппозицией «космос-хаос» в романе появляется еще одно противопоставление, выполняющее важную функцию в его структуре: «массовое – единичное».

В городском тексте, созданном А.Белым, возникает принципиально новый герой, которого доселе в русской прозе не было – людская толпа, обладающая своим голосом (или голосами) и выступающая как живое существо. При этом стихийные людские массы в соответствии с бинарной логикой петербургского мифа противопоставляются «геометрическим» мечтам сенатора Аблеухова, который в момент встречи с людской стихией думает о звездах. Примечательно, что Белый показывает, что антиномия толпы и личности не разрешима: личность помимо своей воли оказывается «втиснутой» в людской поток.

Этот «массовый герой» вписан в пространственные координаты петербургского мифа А.Белого, ибо он описывается как «приходящий с островов». И в соответствии с семантическим каркасом петербургского мифа А.Белого этот новый герой наделяется демоническими характеристиками (острова в романе – это практически потусторонний мир). Недаром Белый говорит о людях, перешедших через мост, как о «тенях». В этом контексте переход через мост с островов оказывается структурно подобен переходу из мира живых в мир мертвых (это подкрепляется также эпитетом, отнесенным к водам Невы – «летейские»). Таким образом, социально-политическая и культурно-историческая проблематика, вписываясь в пространство петербургского мифа, меняет свое содержание и оказывается увязанной с мотивами, имеющими принципиально иную, мистико-мифологическую природу.

В третьем параграфе работы *«Герой и городское пространство»* анализируется соотношение персонажного и пространственного уровней романа. Поскольку роман «Петербург» – это роман мифологического типа, постольку описываемое пространство города теснейшим образом связано с системой персонажей. Человек становится функцией пространства, он неотделим от него, он принимает на себя его черты. Здесь, по-видимому, должна идти речь о древнейшем принципе антропоморфизации пространства, который всегда был характерен для мифологического мышления.

Раздвоенность петербургского пространства обуславливает двойственность и героев произведения. Говоря иначе, петербургское пространство как бы «генерирует» героев, которые становятся не реалистическими типами, но оказываются всего лишь символическими знаками города. При этом, с одной стороны, город обуславливает персонажей романа, что, в сущности, есть реалистическая трактовка отношения между героями и пространством. С другой

стороны, герой с помощью мозговой игры создаст свое «мысленное» пространство, что уже соотносится с модернистской трактовкой петербургского мифа.

О структурной схожести Петербурга и его героев свидетельствует, например, смешение *внешнего* и *внутреннего* пространства в романе. Так, пространство Петербурга проникает во внутреннее пространство дома. Например, в комнате Аполлона Аполлоновича обитатели ориентируются по сторонам света (что не свойственно внутренним закрытым пространствам). Подобное смешение двух типов пространств характерно для петербургского мифа, где лейтмотивом становится проникновение *внешнего* пространства во *внутреннее*, что, в конечном счете, разрушает внутреннее и приводит к появлению комплекса апокалиптических мотивов.

Структурное подобие героев и Петербурга приводит к появлению в романе мотива двойничества, который также обусловлен обращением Белого к символическому типу обобщения: конфликт, сюжетные ситуации, каждый образ оказываются не равными сами себе, приобретают символический смысл. Мотив «двойничества» в сочетании с фантастической символикой образует целую систему лейтмотивов, из которых собственно и складывается символический сюжет романа. При этом «двойничество» в романе «Петербург» отличается особым многообразием, усложненностью и амбивалентностью. Персонажи романа постоянно подменяют друг друга: противопоставленные на основе одного признака, они непременно сближаются на основе другого. Каждый из героев имеет несколько «отражений-двойников», в том числе и пародийных.

Двойничество может также знаменовать и внутренний раскол в душе героя. Так, сенатор Аблеухов после встречи с незнакомцем оказывается в противоречии с собственным сердцем, которое вопреки разуму пророчит беду, а террорист Дудкин же в свою очередь становится жертвой провокации, засевшей в нем самом. Мотив раздвоения в романе можно толковать и с иной точки зрения – психопатологической. Здесь особый интерес представляет образ Николая Аполлоновича, который в романе все время предстает в своих разных ипостасях. Это раздвоение вводит в текст романа обширный психоаналитический пласт, связанный с разрушением собственного «эго». Характерно, что одна из его ипостасей («барская») была подобна отцу, поэтому он «проклял отца». Это проклятие в контексте романа носит психоаналитический характер и при ближайшем рассмотрении оказывается связанным с эдиповым комплексом, о чем свидетельствует не только ненависть Николая Аполлоновича к отцу, но и ощущение героем своей нерасторжимой с ним связи.

В заключении подводятся основные итоги исследования. Делается вывод, что петербургский текст оказывается концептуальной системой, которая позволяет Белому осмыслить волнующие его проблемы этического, историософского и эстетического характера. И в этом плане петербургский текст для А.Белого есть комплексное смысловое целое, главная особенность которого – сложность и семантическая «нерасчлененность». Белый как бы собирает воедино все основные историко-культурные универсалии, которые функционировали доселе разрозненно в разных текстах, и дает им целостную системную интерпретацию.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:
Статьи в журналах, включенных в перечень периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации работ, отражающих содержание кандидатских диссертаций:

1. Проблема «петербургского текста» современные подходы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2010. Т. 16. Основной выпуск. № 2. С.119-122.
2. Философские и мифопоэтические коды в романе А. Белого «Петербург» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2011. Т. 19. Основной выпуск. № 1. С.54-58.
3. Преломление «петербургского мифа» в *городском тексте* романа Андрея Белого «Петербург» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2011. Т. 19. Основной выпуск. № 1. С.63-69 (в соавторстве с Кихней Л.Г.).

Научные статьи в других изданиях:

4. Герой как функция пространства в романе А.Белого «Петербург» // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 8. Симферополь: «Крымский архив», 2010. С.178-186.
5. К вопросу о специфике воплощения «петербургской» темы в творчестве Андрея Белого // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и соискателей. Вып. 2010. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2010. С. 123-129.
6. Антропоморфное пространство в петербургском мифе А.Белого (по роману «Петербург») // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения -2010): в 2 ч. Ч.2: Литературоведение. Сб. научных трудов. СПб.: СПбГУТД, 2011. (В печати. 0,5 п.л.)

Вовна Алексей Владимирович (Россия)

***Городской текст* в романе Андрея Белого «Петербург» (истоки и становление)**

В диссертации исследуется семантический комплекс города в романе Андрея Белого «Петербург». Впервые дан системный анализ семантики образов, входящих в смысловое поле «города» как важнейшего элемента философской картины мира А. Белого; рассмотрены принципы формирования «авторского мифа» о Петербурге, прослежены его генетические истоки, вычленены архетипические модели и лейтмотивы. На материале русской классической литературы построена общая модель петербургского текста и определены принципы ее трансформации в модернистском изводе на примере романа А.Белого «Петербург».

Vovna Alexey Vladimirovich

“Urban Text” in Bely’s Novel “Petersburg” (Origins and Formation)

The thesis is concerned with semantic system of urban motives in Bely’s Novel “Petersburg”. The systemic analysis of urban images that are connected with urban semantic field is given for the first time. It’s demonstrated that “urban text” is the most important element of Bely’s model of world. The foundations of formation author’s myth of Petersburg are analyzed, its genetic origins are revealed and archetypal models and leitmotifs are traced. The common model of Petersburg text is reconstructed (on the material of Russian classical literature) and principles of its transformation are revealed (on the material of Bely’s Novel “Petersburg”).

Подписано в печать: 21.01.2011

Заказ № 4873 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

102